

•
ДЖЕЙН
ОСТЕН

—
ГОРДОСТЬ
И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ
•

NEOCLASSIC
ПРОЗА

Neoclassic проза

Джейн Остин

Гордость и предубеждение

«Издательство АСТ»

1813

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Остин Д.

Гордость и предубеждение / Д. Остин — «Издательство АСТ»,
1813 — (Neoclassic проза)

ISBN 978-5-17-182869-1

Холостяк, обладающий солидным состоянием, должен нуждаться в жене – такова общепризнанная истина. А заодно и надежда провинциальной дворянской четы Беннет, ведь супругам нужно пристроить пятерых дочерей. Поэтому, когда в округе появляется мистер Дарси, богатый, но излишне гордый и высокомерный – по оценкам местного общества, – лондонский аристократ, миссис Беннет решает непременно заполучить его в зятя. Но первое же появление мистера Дарси на балу, а также его знакомство с проницательной и независимой Элизабет, второй по старшинству дочерью Беннетов, проходят из рук вон плохо. Вышедший в 1813 году роман «Гордость и предубеждение» неоднократно переиздавался, многократно экранизировался и сегодня по праву входит в число признанных шедевров английской литературы. В данном издании роман впервые публикуется в новой редакции классического перевода Ирины Гуровой, ранее издававшегося под названием «Гордость и гордыня».

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-182869-1

© Остин Д., 1813

© Издательство АСТ, 1813

Содержание

Книга первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	21
Глава 8	25
Глава 9	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джейн Остин

Гордость и предубеждение

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2026

© Примечания. Е. Доброхотова-Майкова, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Книга первая

Глава 1

Холостяк, обладающий солидным состоянием, должен нуждаться в жене – такова общепризнанная истина.

И сколь ни мало известно о чувствах и намерениях такого человека, когда он перебирается на новое место, истина эта столь прочно коренится в умах окрестных семейств, что те с первой же минуты смотрят на него как на законную собственность той или иной из своих дочерей.

– Мой дорогой мистер Беннет, – в один прекрасный день объявила супруга означенного джентльмена, – вы слышали, что Недерфилд-Парк наконец-то арендовали?

Мистер Беннет ответил, что ничего об этом не слышал.

– Но да, да! Миссис Лонг только что побывала у нас и все мне рассказала.

Мистер Беннет безмолвствовал.

– Неужто вам не хочется узнать, кто там поселился? – нетерпеливо осведомилась его жена.

– Зато вам хочется сообщить мне эту новость, и я готов ее выслушать.

– Так вот, мой друг, миссис Лонг говорит, что Недерфилд-Парк арендовал молодой человек с очень большим состоянием, проживающий на севере Англии. В понедельник он приезжал в коляске четверней осмотреть поместье и пришел в такой восторг, что тут же согласился на все условия мистера Морриса, и переедет он туда еще до Михайлова дня¹, а некоторых слуг пришлет уже в конце будущей недели.

– Как его фамилия?

– Бингли.

– Женат или холост?

– Ах, мой друг, разумеется, холост. Холостой молодой человек с большим состоянием. Четыре-пять тысяч годового дохода. Какое счастье выпало нашим девочкам!

– Каким образом? При чем здесь они?

– Мой дорогой мистер Беннет, – воскликнула его супруга, – будто вы не знаете! Вы должны понимать, что я думаю о его браке с кем-нибудь из них.

– Ради этой цели он решил поселиться здесь?

– Цели? Вздор! Ну что вы такое говорите? Однако очень и очень может быть, что он влюбится в какую-нибудь, а значит, вы должны сделать ему визит, едва он переедет².

– Не вижу зачем. Почему бы вам не посетить его вместе с девочками? Или лучше пошлите их к нему одних. Ведь вы так аванжны, что мистер Бингли всем им может предпочесть вас.

– Мой друг, вы мне льстите. Да, разумеется, я была очень недурна собой, но теперь уже не помышляю о том, чтобы пленять. Женщинам с пятью взрослыми дочерьми не пристало думать о собственной красоте.

– Женщины в подобном положении редко сохраняют столько красоты, что о ней стоило бы думать.

¹ ...переедет он туда еще до Михайлова дня. – Михайлов день, 29 сентября, один из четырех квартальных дней в Англии, то есть дней, когда вносилась арендная плата. – Здесь и далее примеч. ред.

² ...вы должны сделать ему визит, едва он переедет. – Английский этикет, связанный с визитами, был очень сложным и очень строгим. До обмена визитами семьи официально не знакомы. Визит мистери Бингли должен сделать мистер Беннет как мужчина; незамужние девицы не могли бы посетить молодого человека, с которым не состоят в родстве, даже если он им представлен.

– Тем не менее, мой друг, вы непременно должны побывать у мистера Бингли сразу же по его приезде.

– Право слово, не могу обещать.

– Но подумайте о своих дочерях. Только вообразите, какая это будет партия для одной из них! Сэр Уильям и леди Лукас не замедлят нанести ему визит по той же самой причине. Вы же знаете, они никогда первыми не посещают новых соседей. Нет-нет, вы должны побывать у него, иначе мне с девочками никак нельзя будет отправиться к нему с визитом.

– Вы слишком уж строго блюдете этикет. Не сомневаюсь, мистер Бингли будет очень рад вашему визиту. А я вручу вам для него записку с заверениями в моем полном согласии на его брак с той моей дочерью, которую он удостоит своего выбора. Хотя, пожалуй, я замолвлю словцо за мою малютку Лиззи.

– Прошу вас ничего подобного не делать. Лиззи ничем не лучше своих сестер. Она и вполтину не так красива, как Джейн, и вполтину не так мила, как Лидия. Ну да вы всегда отдаете предпочтение ей.

– Ни одна из них ничем особенным не блещет, – возразил ее супруг. – Глупенькие и невежественные, как все юные барышни. Тем не менее у Лиззи больше живости ума, чем у ее сестриц.

– Мистер Беннет, как вы можете так чернить собственных дочерей? Вам нравится меня поддразнивать. Никакого сострадания к моим бедным нервам.

– Вы заблуждаетесь, душа моя. К вашим нервам я питаю самое глубокое почтение. Ведь они мои давние друзья. Вы по меньшей мере двадцать лет постоянно мне о них рассказываете.

– Ах, вы не понимаете моих страданий.

– Но, надеюсь, вы совладеете с ними и доживете до того, что в окрестностях поселится еще много молодых людей с годовым доходом в четыре тысячи фунтов.

– Что толку нам, поселись их тут хоть двадцать, если вы не пожелаете сделать им визиты?

– Уверю вас, душа моя, когда их наберется двадцать, я побываю у каждого.

Натура мистера Беннета слагалась из стольких противоречивых качеств, таких как саркастический ум, замкнутость и чудаковатость, что за двадцать три года совместной жизни жена так и не научилась его понимать. А вот ее постичь было куда легче. Она была женщиной очень недалекой, невежественной, со вздорным характером. Если она бывала чем-нибудь недовольна, то воображала, будто у нее нервическое расстройство. Целью ее жизни было выдать замуж всех своих дочерей, а радостями – визиты и новости³.

³ ...визиты и новости. – Одной из целей визитов был обмен новостями, составлявший важнейшую часть светской жизни. Именно благодаря такому обмену новостями миссис Беннет еще до приезда мистера Бингли знает точный размер его годового дохода.

Глава 2

Мистер Беннет нанес визит мистеру Бингли одним из первых. Он с самого начала намеревался побывать у него, хотя до последней минуты убеждал жену, что не станет этого делать. И она пребывала в полном неведении до вечера того дня, когда визит был нанесен. И вот как она узнала об этом событии. Поглядев, как его вторая дочь трудится над отделкой своей шляпки, мистер Беннет неожиданно сказал:

– Надеюсь, Лиззи, мистеру Бингли она понравится.

– Нам неоткуда узнать, что нравится мистеру Бингли, – сердито заметила мать барышни, – поскольку мы не можем нанести ему визит.

– Но вы забываете, маменька, – сказала Элизабет, – что мы будем встречать его на ассамблеях, а миссис Лонг обещала представить его нам.

– Вот уж не думаю! У миссис Лонг есть две родные племянницы. Она себялюбивая лицемерка, и я о ней самого низкого мнения.

– Я тоже, – сказал мистер Беннет, – и рад слышать, что вы не полагаетесь на ее услуги.

Миссис Беннет не снизилась до ответа, но, не в силах сдержаться, принялась выговаривать одной из дочерей:

– Да не кашляй же так, Китти! Имей хоть чуточку сострадания к моим нервам. Ты их совсем истерзала.

– Китти позволяет себе кашлять, когда ей вздумается, – заметил папенька. – И всегда кашляет некстати.

– Я кашляю не для своего развлечения, – обиженно возразила Китти.

– А когда твой следующий бал, Лиззи?

– Через две недели, считая с завтрашнего дня.

– Ведь и правда! – воскликнула маменька. – А миссис Лонг вернется только накануне и, значит, не сможет его нам представить. Она же не успеет сама с ним познакомиться.

– В таком случае, душа моя, почему бы вам не опередить свою подругу и самой не представить ей мистера Бингли?

– Невозможно, мистер Беннет, невозможно, коли я сама с ним не знакома. Как несносны ваши поддразнивания!

– Воздаю должное вашей осмотрительности. Бесспорно, две недели знакомства – срок слишком краткий. За две недели трудно узнать, каков человек на самом деле. Но, если мы уклонимся, найдутся другие. И, значит, опасность эта не минует миссис Лонг и ее племянниц. А так как она усмотрит в этом добрую услугу, то, если вы решительно против, я окажу ее сам.

Барышни устали на папеньку в недоумении. Миссис Беннет сказала лишь:

– Вздор! Вздор!

– Что означает столь горячее восклицание? – вскричал мистер Беннет. – Считаете ли вы вздором правила этикета, касающиеся новых знакомств, и то значение, которое им придается? Тут я не могу вполне с вами согласиться. А что скажешь ты, Мэри? Ведь ты – девица глубоко-мысленная, почитываешь мудрые книги и делаешь из них выписки.

Мэри хотелось сказать что-то очень разумное, но ей так ничего в голову и не пришло.

– Пока Мэри приводит в порядок свои мысли, – продолжал папенька, – не вернуться ли нам к мистеру Бингли?

– Я даже имени мистера Бингли больше слушать не желаю, – воскликнула его жена.

– Очень жаль. Почему вы меня не предупредили? Знай я об этом нынче утром, я, уж конечно, не отправился бы к нему с визитом. Очень жаль, но, поскольку визит я нанес, от дальнейшего знакомства нам теперь не уклониться.

Жена и дочери пришли в изумление, чего мистер Беннет и добивался. Миссис Беннет была, возможно, потрясена больше всех, хотя, едва первые восторги поулеглись, не преминула заверить, что ничего другого и не ожидала.

– Как вы добры, дражайший мистер Беннет! Впрочем, я знала, что в конце концов сумею вас убедить. Знала, что любовь к нашим девочкам не позволит вам пренебречь таким знакомством. Не могу выразить, как я довольна. И какая бесподобная шутка: побывать у него утром, а рассказать об этом только сейчас.

– Теперь, Китти, ты можешь кашлять, сколько пожелаешь, – заметил мистер Беннет и с этими словами удалился, наскучив ликованием своей супруги.

– Какой у вас превосходный отец, девочки, – сказала та, когда дверь за ним затворилась. – Даже не знаю, как вам отблагодарить его за доброту. Да и меня, коли уж об этом зашла речь. В наши годы, позвольте вам сказать, не так уж приятно каждый день заводить новые знакомства, но ради вас мы жертвуем всем. Лидия, душенька моя, хоть ты и младшенькая, полагаю, мистер Бингли будет непременно танцевать с тобой на следующем балу.

– О! – мужественно сказала Лидия. – Я не боюсь. Пусть я и младшая, зато самая высокая.

Остаток вечера прошел в догадках, как скоро мистер Бингли отдаст визит, и в обсуждении того, когда пригласить его на обед.

Глава 3

Впрочем, миссис Беннет даже с помощью пяти дочерей не сумела вытянуть у мужа сколько-нибудь внятного описания мистера Бингли. Они атаковали и так, и эдак – задавали прямые вопросы, строили хитроумные предположения и догадки, но он умело избегал всех ловушек, и в конце концов им пришлось удовольствоваться сведениями из вторых рук – от их соседки леди Лукас. Описание оказалось самым лестным. Сэр Уильям от него в восторге. Он молод, замечательно хорош собой, весьма любезен – и, в довершение всего, намерен приехать на следующую ассамблею в сопровождении большого общества. Что могло быть восхитительнее! А любовь к танцам – это же первый шаг к влюбленности. И вспыхнули живейшие надежды на покорение сердца мистера Бингли.

– Кабы увидеть одну мою девочку счастливой хозяйкой Недерфилда да кабы остальные сделали партии не хуже, так мне больше и желать было бы нечего.

Через несколько дней мистер Бингли приехал с ответным визитом и десять минут просидел с мистером Беннетом в библиотеке. Он надеялся увидеть барышень, о красоте которых был уже наслышан, но увидел лишь их папеньку. Зато барышням посчастливилось больше, ибо из окна верхнего этажа они могли убедиться, что сюртук на нем синий, а лошадь под ним вороной масти.

Вскоре вслед за этим было послано приглашение на обед, и миссис Беннет уже обдумывала, какими блюдами потчевать гостей, чтобы не ударить лицом в грязь, но присланный ответ разрушил ее планы. Мистеру Бингли на следующий день необходимо быть в Лондоне, а потому он вынужден отказаться от их любезного приглашения и так далее и тому подобное.

Миссис Беннет была крайне обескуражена. Она не могла вообразить, какое дело вдруг призвало его в столицу так скоро после переезда в Хартфордшир. Ее снедали опасения, что он и впредь будет перепархивать туда-сюда, а не оседет в Недерфилде, как ему следовало бы. Ее страхи несколько рассеяла леди Лукас, высказав предположение, что в Лондон он уехал с тем, чтобы пригласить на бал обещанных гостей, а вскоре пошли слухи, что мистер Бингли прибудет на ассамблею в сопровождении двенадцати дам и семи джентльменов. Такое число дам удручило барышень, однако накануне бала их утешила весть, что из Лондона он привез всего шесть особ женского пола – пять своих сестер и кузину. А в залу собрания вошли всего пятеро: сам мистер Бингли, две его сестры, муж старшей и еще один молодой человек.

Мистер Бингли был красив и выглядел истинным джентльменом. Выражение его лица отличалось большой приятностью, а манеры – мягкостью и непринужденностью. Его сестры, тоже очень недурные собой, держались как особы безусловно светские. Его шурин, мистер Херст, был джентльменом ничем не примечательным, однако его друг, мистер Дарси, сразу привлек всеобщее внимание благодаря высокой стройной фигуре, правильным чертам лица, благородной осанке, а также слухам, которые за пять минут с его появления успели облететь залу, – а именно, что он обладает годовым доходом в десять тысяч фунтов. Мужчины объявили его на редкость представительным, а дамы сочли куда более красивым, чем мистер Бингли, и он оставался предметом всеобщего восхищения примерно половину вечера, но мало-помалу общество почувствовало себя оскорбленным его манерами и разочаровалось в нем; обнаружилось, что он несносный гордец, почитает себя выше всех и ему невозможно угодить. Даже обширное поместье в Дербишире не спасло его от заключения, что черты лица у него надменные и неприятные и что он не идет ни в какое сравнение со своим другом.

Вскоре мистер Бингли уже перезнакомился со всеми в зале, кто хоть что-нибудь значил. Он был оживлен и непринужден, не пропустил ни одного танца, огорчился, что бал кончился столь рано, и упомянул, что непременно даст бал в Недерфилде. Столь превосходные качества свидетельствовали сами за себя. Какая огромная разница между ним и его другом! Мистер

Дарси танцевал один раз с миссис Херст, один раз с мисс Бингли, не пожелал, чтобы его представили другим дамам и девицам, и все остальное время прохаживался по залу, изредка обмениваясь несколькими фразами со своим другом, его сестрами и шурином. Приговор ему был вынесен единодушный: самый чванный гордец, самый невыносимый человек в мире! Все от души надеялись, что он никогда больше в здешних краях не покажется. В числе тех, кто возмущался им громче всего, была и миссис Беннет; ее неудовольствие манерами мистера Дарси перешло в острую неприязнь, когда он пренебрежительно отозвался об одной из ее дочерей.

Из-за недостатка кавалеров Элизабет Беннет вынуждена была два танца просидеть у стены. Несколько минут мистер Дарси стоял так близко от нее, что она волей-неволей подслушала разговор между ним и мистером Бингли, который ненадолго оставил свою даму, чтобы уговорить друга присоединиться к танцующим.

– Право же, Дарси, – сказал он, – ты непременно должен танцевать. Не могу смотреть, как ты бессмысленно стоишь тут. Лучше пойди потанцуй.

– Я безусловно не стану этого делать. Ты же знаешь, что я терпеть не могу танцевать с малознакомыми дамами. А в таком собрании это будет невыносимо. Твои сестры ангажированы, и в зале не найдется ни одной дамы или девицы, танцевать с которой не было бы для меня сущей карой.

– Ни за что на свете я бы не хотел быть таким разборчивым, как ты! – вскричал Бингли. – Честное слово, я в жизни не видел столько обворожительных барышень, как нынче вечером, и, согласись, некоторые на редкость хороши собой.

– Ты танцуешь с единственной красавицей в зале, – ответил мистер Дарси, взглянув на старшую мисс Беннет.

– О, она несравненна. Но вот же прямо позади тебя сидит ее сестра, прехорошенькая и, полагаю, приятная барышня. Прошу, позволь моей даме представить тебя ей!

– Которая из них? – И Дарси через плечо посмотрел на Элизабет, встретился с ней взглядом и отвернулся, холодно процедив: – Да, она недурна, но не настолько, чтобы очаровать меня, а я не в настроении благодетельствовать девицам, которыми пренебрегли другие. Вернись-ка лучше к своей даме, купайся в свете ее улыбок и не трать время со мной.

Мистер Бингли последовал его совету, а мистер Дарси неторопливо отошел, оставив у Элизабет не самые добрые чувства к себе. Тем не менее она весело поведала о случившемся своим близким, так как отличалась веселым нравом, которому смешные нелепицы служили желанной пищей.

В остальном вечер для их семьи прошел весьма приятно. Миссис Беннет не сомневалась, что ее старшая дочь обворожила недерфилдское общество. Мистер Бингли дважды ее ангажировал, а его сестры обходились с ней особенно любезно.

Джейн была польщена не меньше маменьки, хотя не выражала этого так открыто. Элизабет разделяла радость Джейн. Мэри своими ушами слышала, как мисс Бингли ее отрекомендовали самой образованной девицей здешних мест, а Кэтрин и Лидии выпало счастье ни разу не остаться без кавалеров, а о большем они на балах пока и не мечтали. Посему в Лонгборн, деревушку, где они обитали и где были самими заметными жителями, все возвратились в наилучшем расположении духа.

Мистер Беннет еще не лег. Над книгой он забывал о времени, а к тому же любопытствовал узнать, как прошел вечер, на который возлагались такие надежды. Он тешился мыслью, что все расчеты его супруги на новое знакомство потерпят фиаско, но вскоре убедился, что выслушать ему предстоит совсем другую историю.

– Ах, мой дорогой мистер Беннет, – начала она, едва войдя в комнату. – Мы бесподобно провели вечер. Чудесный бал! Я так жалела, что вас не было с нами. Только вообразите, Джейн снискала всеобщее восхищение! Все говорили, как она прелестна, а мистер Бингли признал ее настоящей красавицей и танцевал с ней два раза. Вы только подумайте, мой друг, он танцевал

с ней дважды и только ее одну ангажировал второй раз. Первой он пригласил мисс Лукас. Пока я смотрела на них, меня взяла такая досада! Однако она его ничуть не очаровала, да и кого она может очаровать? А едва он увидел, как танцует Джейн⁴, то был просто сражен. Осведомился, кто она такая, попросил представить его и тут же пригласил ее на следующие два танца⁵. Два третьих танца он танцевал с мисс Кинг, два четвертых с Марией Лукас, два пятых снова с Джейн, два шестых с Лиззи, а буланже⁶...

– Будь у него хоть капля сострадания ко мне, – нетерпеливо вскричал ее супруг, – он танцевал бы вдвое меньше. Бога ради, не перечисляйте, кого он еще ангажировал. И почему только он не вывихнул лодыжку в первом же танце!

– Ах, мой друг, – продолжала миссис Беннет, – я в полном от него восхищении. И какой красавец! А его сестрицы обворожительны. В жизни я не видела ничего изящнее их туалетов. А уж кружевная отделка платья миссис Херст...

Тут ей снова пришлось прервать свою речь. Мистер Беннет не желал ничего слышать про дамское тряпье. Посему она должна была найти другую тему и с величайшим негодованием, а также некоторыми преувеличениями поведала ему о возмутительной грубости мистера Дарси.

– Но заверяю вас, – заключила она, – Лиззи не много потеряла, что не угодила его вкусу. Пренеприятнейший, отвратительнейший человек, которому и нравится-то незачем. Такой заносчивый, такой спесивый, что никакого терпения не хватит! Расхаживал туда-сюда, воображая себя очень важной особой! Не настолько красива, чтобы танцевать с ней! Жаль, мой друг, что вас там не было, отделать его хорошенько, как вы умеете. Я его ненавижу!

⁴ ...едва он увидел, как танцует Джейн. – На балу в то время танцевали главным образом длинные линейные контрдансы, в котором танцующие располагаются двумя рядами лицом друг к другу. По ходу танца каждая пара перемещается вперед, танцую по очереди с другими парами, так что у Бингли была возможность увидеть, как танцует Джейн.

⁵ ...пригласил ее на следующие два танца. – Джентльмен, пригласивший даму, танцевал с ней два танца; поэтому Элизабет и просидела два танца подряд. Пара танцев обычно продолжалась около получаса.

⁶ ...а буланже... – Буланжер (фр. булочница) – популярный быстрый контрданс французского происхождения, которым завершались балы.

Глава 4

Когда Джейн и Элизабет остались наедине, старшая, прежде отзывавшаяся о мистере Бингли со сдержанной похвалой, теперь призналась сестре, что он ее очаровал.

– Вот таким и должен быть молодой человек, – сказала она. – Рассудительным, добрым, веселым. И я еще никогда не видела столь чудесных манер! Такая непринужденность, такое прекрасное воспитание!

– И в довершение он красив, – прибавила Элизабет. – Каким молодому человеку тоже следует быть, если это в его силах. Итак, он идеален.

– Мне было так лестно, когда он пригласил меня во второй раз. Я никак не ожидала подобного комплимента.

– Неужели? Ну, так я ожидала за тебя. В том-то и главная разница между нами. Тебя комплименты всегда застают врасплох, а меня – никогда. Конечно, он пригласил тебя второй раз. Что могло быть естественнее? Он же видел, что ты в пять раз красивее всех в зале. Галантность тут ни при чем. Да, он, бесспорно, очень мил, и, если он тебе нравится, даю тебе мое позволение. Тебе ведь нравилось немало более глупых кавалеров.

– Лиззи, милочка!

– Ведь тебе по твоей доброте все люди нравятся. Ты ни в ком не видишь изъянов; в твоих глазах все приятны и обходительны. Я ни разу не слышала, чтобы ты о ком-нибудь отзывалась дурно.

– Я не хотела бы никого поспешно осуждать, но я всегда говорю что думаю.

– Знаю, знаю. В этом-то и чудо. С твоим здравым смыслом не замечать чужой глупости и вздорности! Притязания на прямодушие – вещь самая обычная, с ними сталкиваешься на каждом шагу. Но быть прямодушной без притворства или задней мысли, видеть во всех только лучшее и кое-что добавлять от себя, а о дурном не упоминать – это только твое свойство. Его сестры ведь тебе тоже понравились, не так ли? А их манеры далеко уступают его манерам.

– О, на первый взгляд, пожалуй. Но, побеседовав с ними, видишь, что они обе очень приятные. Мисс Бингли будет жить у брата, вести дом, и я очень ошибаюсь, если в ней мы не обречем очаровательную соседку.

Элизабет ничего не ответила, но заверения сестры ее не убедили. Судя по тому, как миссис Херст и мисс Бингли держались на ассамблее, они вовсе не стремились завоевать всеобщее расположение. Элизабет, более наблюдательная и менее доверчивая, чем ее сестра, к тому же не облаканная их любезностью, которая могла бы затуманить ей взор, не видела причин ими восхищаться. Обе они были светскими особами до кончиков ногтей; приятными, если им ничто не досаждало, обходительными, когда считали нужным, но заносчивыми и самодовольными. Они не были обделены красотой, воспитывались в одном из лучших столичных пансионов, обладали состоянием в двадцать тысяч фунтов каждая, имели привычку тратить больше, нежели требовало благоразумие, вращались среди знати, а посему имели право себя ставить очень высоко, а других – очень низко.

Они происходили из почтенной семьи на севере Англии – обстоятельство, которое запечатлелось в их памяти много прочнее, чем то, что состояние их брата, как и их собственное, нажито торговлей⁷.

Мистер Бингли унаследовал почти сто тысяч фунтов от отца, который намеревался обзавестись поместьем, но ему воспрепятствовала смерть. Мистер Бингли хотел того же и даже

⁷ ...состояние их брата, как и их собственное, нажито торговлей. – В глазах света Бингли, чье состояние нажито на промышленном Севере, нувориши. Если бы их отец успел купить поместье, он повысил бы общественный статус своих детей, хотя и не сровнял бы их с теми, чьи деньги происходят от земли, переходившей из поколения в поколение. Заносчивость сестер Бингли отчасти объясняется тем, что на самом-то деле их происхождение оставляет желать лучшего.

подумывал, на каком графстве остановить свой выбор. Однако теперь, когда он получил в собственное распоряжение прекрасный дом вкупе с охотничьими угодьями, многие знавшие беззаботность его натуры полагали, что он так и проживет в Недерфилде до конца дней, оставив приобретение поместья следующему поколению.

Его сестрам не терпелось, чтобы он стал настоящим помещиком, но, хотя он обосновался в Недерфилде всего лишь как арендатор, мисс Бингли была отнюдь не прочь восседать во главе его стола; да и миссис Херст, будучи замужем за человеком более светским, нежели богатым, склонялась к тому, чтобы считать дом брата своим домом, когда ей заблагорассудится.

Мистер Бингли достиг совершеннолетия всего за два года до того, как, последовав случайной рекомендации, отправился взглянуть на Недерфилд-хаус⁸. Он оглядел дом снаружи и внутри за полчаса, остался доволен местоположением и парадными апартаментами, удовлетворился словами владельца о достоинствах поместья и немедленно его снял.

Дружба между ним и Дарси была очень искренней, несмотря на полное несходство натур. Бингли завоевал расположение Дарси мягкостью, открытостью души и уступчивостью – качествами, которых сам Дарси был начисто лишен и не считал это своим недостатком. Бингли твердо полагался на дружбу Дарси и был высочайшего мнения о его суждениях. Проницательностью Дарси далеко его превосходил. Бингли вовсе не был глуп, но Дарси обладал острым умом. Притом он был высокомерен, замкнут и очень разборчив, а его манеры, хотя вполне светские, отличались сухостью. И в этом его друг имел перед ним большое преимущество. Где бы Бингли ни появлялся, он сразу располагал к себе всех присутствующих; Дарси же постоянно наступал кому-нибудь на ногу.

Полное представление об их несхожести дает то, как они отозвались о меритонской ассамблее. Бингли в жизни не встречал более приятных людей и таких обворожительных барышень; к нему все были необыкновенно добры и внимательны; никакой холодной светскости и чопорности – он очень скоро уже чувствовал себя словно среди старых друзей. Ну а что до мисс Беннет⁹, так невозможно вообразить ангела прекраснее. Дарси же, напротив, увидел сборище ничем не примечательных провинциалов, чуждых понятиям о красоте и хорошем тоне; никто не заслужил его внимания, ничуть не развлек его. Мисс Беннет он признал миловидной – но она слишком уж часто улыбалась.

Миссис Херст и ее сестрица согласились с ним, и все равно она завоевала их расположение и продолжала им нравиться. Они сказали, что она, право же, душечка и они не прочь узнать ее поближе. А посему мисс Беннет осталась душечкой, а их брат счел, что это позволяет ему думать о ней так, как он пожелает.

⁸ Мистер Бингли достиг совершеннолетия всего за два года до того, как <...> отправился взглянуть на Недерфилд-хаус. – То есть сейчас ему 23 года.

⁹ ...а что до мисс Беннет... – Если в семье было несколько незамужних дочерей, то старшая именовалась мисс + фамилия, а остальные – мисс + имя + фамилия. То есть на меритонской ассамблее Джейн – мисс Беннет, а Лиззи – мисс Элизабет Беннет. Если в обществе присутствовала только одна из сестер, ее называли мисс + фамилия независимо от старшинства.

Глава 5

Довольно близко от Лонгборна проживало семейство, с которым Беннеты поддерживали особенно тесное знакомство. В былые дни сэр Уильям Лукас вел торговые дела в Меритоне, нажил немалый капитал и удостоился рыцарского звания за речь в адрес короля, произнесенную в бытность мэром этого городка¹⁰. Такое возвышение, возможно, несколько вскружило ему голову. Оно пробудило в нем отвращение к торговле и к дому в скромном городке, где он тогда проживал. Покинув их, он поселился с семьей в усадьбе, примерно в миле от Меритона, каковая с той поры обзавелась звучным наименованием Лукас-Лодж. Там он мог без помех размышлять о важности своей персоны и, освободившись от дел, посвятить себя радушию и гостеприимству, ибо, как ни радовался он своему возвышению, оно не сделало его спесивым; напротив, он со всеми был сама обходительность. Незлобивый, приветливый и услужливый по натуре, к этим качествам он после своего представления ко двору добавил еще и учтивость.

Леди Лукас была не слишком умной женщиной, совершенно такой, какую миссис Беннет могла бы пожелать себе в соседки. Судьба наградила их детьми, и старшая дочь, умная и рассудительная девица лет двадцати семи, была задушевной подругой Элизабет.

Что барышням Лукас и барышням Беннет было необходимо незамедлительно встретиться и обменяться мнениями о бале, разумелось само собой, и наутро после ассамблеи первые поспешили в Лонгборн слушать и говорить.

– Шарлотта, ты прелестно открыла вечер, – сказала миссис Беннет с нарочитой любезностью. – Ведь мистер Бингли пригласил тебя самой первой!

– Да, но его второй выбор ему как будто понравился больше.

– А, полагаю, ты о Джейн, потому что он танцевал с ней дважды. Да и правда, могло показаться, будто он ею восхищен; я даже почти уверена, что так оно и было... я что-то такое слышала... но, право, не совсем поняла... что-то о мистере Робинсоне.

– Вы не о том, что я слышала, когда он разговаривал с мистером Робинсоном? Разве я вам не рассказала? Мистер Робинсон осведомился, как ему нравятся наши меритонские ассамблеи, согласен ли он, что в зале не перечесть красавиц, и какая кажется ему красивее всех прочих. А он начал с ответа на последний вопрос: «О, бесспорно, старшая мисс Беннет, тут не может быть двух мнений».

– Только вообразите! Столь безоговорочно... право, кажется... но, впрочем, все это, знаете ли, может кончиться ничем.

– Я подслушивала куда с большим толком, чем ты, Элиза, – сказала Шарлотта. – Мистера Дарси, в отличие от его друга, и слушать не стоило, не так ли? Бедная Элиза! Быть всего лишь недурной.

– Ах, не надо внушать Лиззи, будто его неучтивость стоит внимания. Он ведь такой неприятный человек, что понравиться ему было бы сущим несчастьем. Миссис Лонг сказала мне вчера, что он просидел рядом с ней полчаса и ни словечка не проронил.

– Вы уверены, маменька? Нет ли тут ошибки? – сказала Джейн. – Я точно видела, как мистер Дарси говорил с ней.

– Ну да, потому что она наконец спросила, как ему понравился Недерфилд, и не ответить он не мог. Но, по ее словам, он, казалось, был очень недоволен, что с ним заговорили.

¹⁰ ...и удостоился рыцарского звания за речь в адрес короля, произнесенную в бытность мэром этого городка. – Рыцарское звание (право ставить перед своим именем «сэр») жаловали за «похвальную службу», и мэр города вполне мог на это рассчитывать; речь, вероятно, была скорее поводом. Сэр Уильям дает купленному дому свою фамилию, как будто это его родовое гнездо; комизма этому добавляет то обстоятельство, что «лодж» – по определению маленькая скромная усадьба; таким же словом называется, например, охотничий домик или сторожка.

– Мисс Бингли упомянула, что он разговаривает только в кругу близких друзей. И вот тогда он на редкость приятный собеседник.

– Не верю ни единому слову, душечка. Будь он таким, то побеседовал бы с миссис Лонг. Но я понимаю, в чем тут дело. Все говорят, что гордыня у него непомерная, и, сдаётся мне, он прослышал, что миссис Лонг не держит экипажа и на бал приехала в наёмном.

– Меня мало трогает, что он не пожелал разговаривать с миссис Лонг, – сказала мисс Лукас, – но я бы предпочла, чтобы он все-таки пригласил Элизу на танец.

– В другой раз, Лиззи, я бы на твоём месте не стала с ним танцевать, – заметила миссис Беннет.

– Право, маменька, я могу смело пообещать вам, что никогда не буду танцевать с ним.

– В нём гордость мне менее неприятна, чем во многих других, так как ей есть извинение, – сказала мисс Лукас. – Можно ли удивляться, что молодой человек со столькими достоинствами, благородного происхождения, богатый, обласканный фортуной, будет о себе самого высокого мнения? Если позволительно сказать, так у него есть право быть гордым.

– Совершенно справедливо, – ответила Элизабет. – И я легко простила бы ему его гордость, если бы он не уязвил мою.

– Гордость, – объявила Мэри, льстившая себя мыслью о здравости своих суждений, – мне кажется, весьма обычный недостаток. Все книги, которые я читала, убеждают меня в его общности, в том, что человеческая природа особенно склонна к нему и что лишь очень немногие из нас не испытывают самодовольства при мысли о том или ином своём достоинстве, действительном или воображаемом. Тщеславие и гордость – совершенно разные вещи, хотя эти слова часто употребляются как синонимы. Человек может быть гордым, но не тщеславным. Гордость более связана с нашим мнением о себе, тщеславие же с тем, как мы хотим выглядеть в чужих глазах.

– Будь я таким богатым, как мистер Дарси, – воскликнул один из младших Лукасов, сопровождавший сестер, – мне было бы все равно, какой я гордый! Я бы держал свору гончих и выпивал по бутылке вина каждый день.

– И, значит, пил бы куда больше, чем следует, – заметила миссис Беннет. – И попадись ты мне на глаза за бутылкой, я бы тотчас ее у тебя отобрала.

Мальчик возразил, что не отобрала бы, она настаивала на своём, и спор их завершился только вместе с визитом.

Глава 6

Обитательницы Лонгборна вскоре нанесли визит недерфилдским дамам. Ответный визит последовал по всем правилам. Милые манеры мисс Беннет все больше располагали к ней миссис Херст и мисс Бингли; и хотя маменька была признана нестерпимой, а младшие сестры – недостойными внимания, двум старшим было выражено желание познакомиться с ними поближе. Джейн приняла это с величайшей радостью, но Элизабет по-прежнему замечала их надменность в обхождении со всеми – даже с ее сестрой, а потому они по-прежнему ей не нравились. Впрочем, их любезность к Джейн, пусть и высокомерная, все-таки имела цену, так как, по всей вероятности, порождалась восхищением их брата. Оно явно бросалось в глаза всякий раз, когда они встречались, а Элизабет столь же ясно видела, что Джейн все больше отдается влечению сердца, которое пробудилось в ней с самого начала, и уже готова влюбиться без памяти. Однако Элизабет черпала спокойствие в уверенности, что никто другой этого не заметит, так как в Джейн сила характера сочеталась с безмятежностью души и веселостью, которые должны были надежно оградить ее от подозрений. Она упомянула про это своей приятельнице мисс Лукас.

– Пожалуй, – ответила Шарлотта, – не так уж плохо в подобном случае обманывать свет, но иногда такая скрытность таит в себе угрозу. Если девушка прячет свою склонность столь же успешно и от предмета этой склонности, она может упустить случай привязать его к себе. А тогда слабым утешением будет сознавать, что и все окружающие равно остались в неведении. Почти в каждом нежном чувстве столько благодарности или тщеславия, что небезопасно никак его не поощрять. Начинать мы все начинаем сами – легкое предпочтение вполне натурально. Но лишь у очень немногих из нас достает духа влюбиться по-настоящему без поощрения. В девяти случаях из десяти женщине полезнее выказать склонность даже в большей мере, чем она ее чувствует. Бингли, бесспорно, очень нравится твоя сестра, но возможно, если она ему не поможет, то дальше так и будет всего лишь ему нравиться.

– Но она же ему помогает, насколько позволяет ее характер. Раз уж я замечаю ее расположение к нему, так он должен быть поистине простаком, если ни о чем не догадается.

– Не забывай, Элиза, что ему характер Джейн известен гораздо меньше, чем тебе.

– Но если девушка питает склонность к мужчине и не старается это скрыть, он непременно должен что-то заметить.

– Да, должен, если видится с ней достаточно часто. Но Бингли и Джейн, хотя и встречаются не так уж редко, бывают вместе недолго и притом в большом смешанном обществе. Им невозможно посвящать друг другу каждую минуту. А потому Джейн должна всячески использовать те полчаса, которые проводит с ним. Вот когда она прочно привяжет его к себе, у нее будет достаточно времени влюбиться в него так сильно, как она пожелает.

– Твой план хорош, – ответила Элизабет, – когда есть лишь стремление удачно выйти замуж, и реши я заполучить богатого мужа или вообще мужа, то следовала бы твоему совету. Но чувства Джейн совершенно иные. Она действует не по расчету. Пока она еще не уверена ни в степени собственной склонности, ни в ее разумности. Они знакомы всего полмесяца. Она протанцевала с ним четыре раза в Меритоне; один раз виделась утром у него дома, а затем четыре раза обедала с ним за одним столом. Это маловато, чтобы узнать его характер.

– Да, будь все так, как ты говоришь. Если бы она просто обедала с ним за одним столом, то могла бы лишь узнать, насколько хорош его аппетит, но не забудь, что они провели вместе четыре вечера, а четыре вечера – это уже немало.

– О да! Эти четыре вечера помогли им убедиться, что «двадцать одно» они оба предпочитают «коммерции»¹¹, но вряд ли им открылось нечто более существенное.

– Что же, – сказала Шарлотта, – я от всего сердца желаю Джейн успеха; и выйди она за него завтра, на мой взгляд, надежды обрести счастье у нее было бы ничуть не меньше, чем если бы она год изучала его характер. Счастье в браке всегда игра случая. Как бы хорошо жених и невеста ни знали друг друга, как бы ни схожи были их наклонности, это ничуть не поспособствует счастью их супружества. Ведь затем их характеры меняются, и им выпадает своя доля домашних неурядиц. И куда лучше как можно меньше знать заранее о недостатках того, с кем тебе предстоит провести жизнь.

– Ты меня рассмешила, Шарлотта, все это вздор, ты знаешь, что это вздор, и сама так ни за что не поступишь.

Занятая наблюдениями за вниманием мистера Бингли к ее сестре, Элизабет даже не подозревала, что обретает некоторую интересность в глазах его друга. Мистер Дарси вначале отказывал ей в миловидности; на балу он оглядел ее без малейшего восхищения, а при следующей их встрече смотрел на нее, только чтобы критиковать. Однако едва он доказал себе и своим друзьям, что в ее лице не отыскать ни единой хотя бы сносной черты, как вдруг начал убеждать, что чудное выражение ее темных глаз делает это лицо на редкость умным. Вслед за тем последовали и другие открытия, явно уязвлявшие его самоуверенность.

Хотя его критический взор подмечал не один изъян, нарушающий идеальную гармонию ее фигуры, он был вынужден признать ее стройной и приятной для глаз. И хотя он объявил ее манеры совсем не светскими, его обворожила их естественность и живость. Она же ни о чем не догадывалась, и для нее он оставался человеком, который не трудился быть любезным ни с кем и кто не считал ее достаточно красивой, чтобы танцевать с ней.

А ему уже хотелось узнать ее поближе. И в намерении завести с ней разговор он начал прислушиваться к ее разговорам с другими, что наконец и привлекло ее внимание. Случилось это в доме сэра Уильяма Лукаса, где собралось большое общество.

– С какой стати мистер Дарси прислушивался к тому, о чем я говорила с полковником Форстером? – сказала она Шарлотте.

– На этот вопрос может ответить только сам мистер Дарси.

– Но если он снова позволит себе подобное, я непременно покажу ему, что все вижу. У него такой сатирический взгляд, что я, если сама не стану вести себя дерзко, начну его бояться.

Вскоре после этого он направился в их сторону, хотя как будто без намерения начать разговор, и мисс Лукас заметила своей подруге, что та никогда ни на что подобное не решится, чем лишь подстрекнула ее. Обернувшись к нему, Элизабет сказала:

– Не кажется ли вам, мистер Дарси, что я минуту назад с большой тонкостью упрашивала полковника Форстера дать для нас бал в Меритоне?

– С большим пылом. Обычным для прекрасного пола, стоит речи зайти о балах.

– Вы так строги к нам!

– Сейчас настанет ее черед подвергнуться упрашиваниям, – сказала мисс Лукас. – Я намерена открыть фортепьяно, а ты знаешь, Элиза, к чему это приведет.

– Ну что ты за подруга! Всегда хочешь, чтобы я играла и пела всем и каждому! Если бы мое тщеславие влекло меня к музыке, тебе цены не было бы, однако я предпочла бы не садиться за инструмент в присутствии тех, кто наверняка привык слушать лишь самую лучшую игру, самое лучшее пение.

Однако мисс Лукас настаивала, и Элизабет наконец ответила:

¹¹ ...что «двадцать одно» они оба предпочитают «коммерции». – «Коммерция» – карточная игра, отчасти похожая на очень упрощенный вариант покера. Цель – собрать наилучшую комбинацию из трех карт; карты можно прикупать и обменивать.

– Ну хорошо, пусть будет по-твоему. – И, обратив серьезнейший взгляд на мистера Дарси, она добавила: – Есть прекрасное старинное присловье, известное всем присутствующим: «Побереги дыхание, чтобы на кашу дуть». Вот и я поберегу свое, чтобы романс прозвучал лучше.

Играла и пела Элизабет недурно, хотя отнюдь не превосходно. Когда она допела второй романс, то даже не успела ответить на просьбы некоторых гостей спеть еще, как ее сестра Мэри поспешила сама сесть за фортепьяно. Мэри была единственной дурнушкой среди своих сестер, а потому не только читала серьезные книги, но столь же усердно занималась рисованием и музыкой и всегда с нетерпением ждала возможности показать себя.

Однако Мэри не обладала ни большим талантом, ни вкусом, и хотя тщеславие рождало в ней усердие, ему сопутствовали педантичность и самодовольство, которые испортили бы впечатление и от куда более искусной игры. Элизабет, чуждая претензий и нарочитости, доставила своим слушателям куда больше удовольствия, хотя играла и вполнину не так умело. А Мэри после завершения длинного концерта была рада снискать похвалы и благодарность, заиграв шотландские и ирландские мелодии по просьбе своих младших сестер, которые вместе с Лукасами и двумя-тремя офицерами устроили танцы в одном конце залы.

Мистер Дарси стоял неподалеку, молча негодуя на подобную манеру скоротать вечер, которая препятствовала разговорам, и был так погружен в свои мысли, что заметил рядом с собой сэра Уильяма Лукаса только тогда, когда сэр Лукас заговорил:

– Какое преприятное развлечение для молодежи, мистер Дарси! Все-таки ничто с танцами не сравнится. Я полагаю их первым украшением изысканного общества.

– Бесспорно, сударь, и у них есть еще то преимущество, что они в моде и не в столь изысканных обществах: каждый дикарь умеет плясать.

Сэр Уильям лишь улыбнулся.

– Ваш друг танцует восхитительно, – продолжал он после паузы, увидев, что мистер Бингли присоединился к танцующим. – И полагаю, вы сами искусны в этой науке, мистер Дарси.

– Полагаю, сударь, вы видели, как я танцевал в Меритоне.

– Как же! И, глядя на вас, получил истинное удовольствие. Вы часто танцуете на придворных балах?

– Никогда, сударь.

– А вы не думаете оказать честь этой зале?

– Эту честь я, насколько от меня зависит, ни одной зале не оказываю.

– Полагаю, у вас есть дом в столице?

Мистер Дарси поклонился.

– Я прежде подумывал поселиться в столице. Люблю бывать в высшем обществе, да только меня одолели опасения, как бы лондонский воздух не повредил леди Лукас.

Он умолк в надежде получить ответ, но его собеседник был не расположен поддерживать разговор. Тут сэр Уильям заметил, что Элизабет направилась в их сторону, и, возгоревшись желанием оказать ей галантную услугу, окликнул ее:

– Дражайшая мисс Элиза, почему вы не танцуете? Мистер Дарси, разрешите представить вам эту барышню как наилучшую даму, какую вы только могли бы пригласить на танец. Право, вы не можете отказаться танцевать, когда видите перед собой такую красоту!

И, взяв руку Элизабет, он протянул ее мистеру Дарси, который, хотя и безмерно удивился, был не прочь принять ее, но Элизабет тотчас отступила, сказав сэру Уильяму в некотором замешательстве:

– Право, сударь, я вовсе не хочу танцевать. Прошу вас, не думайте, будто я искала кавалера.

Мистер Дарси по всем правилам хорошего тона попросил оказать ему честь и пройти с ним в танце, но тщетно. Элизабет была тверда, и никакие уговоры сэра Уильяма не могли поколебать ее решимости.

– Вы так превосходно танцуете, мисс Элиза, что с вашей стороны жестоко лишать меня удовольствия полюбоваться вами. И хотя этот джентльмен не любит такого рода развлечения, полагаю, он уважит нас на полчаса.

– Мистер Дарси – сама учтивость, – сказала Элизабет с улыбкой.

– Поистине! Но соблазн так велик, дражайшая мисс Элиза, что нам не следует дивиться его уступчивости. Ну кто бы устоял и не ангажировал столь неотразимую даму?

Элизабет лукаво улыбнулась и отошла от них. Ее отказ отнюдь не уронил ее во мнении мистера Дарси, и он думал о ней не без восхищения, когда к нему подошла мисс Бингли.

– Догадываюсь, чем заняты ваши мысли!

– Не думаю.

– Вы размышляете, как нестерпимо было бы проводить вечер за вечером подобным образом – в подобном обществе. И я совершенно согласна с вами. Ничего утомительнее мне испытывать не доводилось. Несносная скука – и столько шума! Ничтожность – и такое самомнение у всех этих людей! Чего бы я ни дала, чтобы послушать, как вы их аттестуете!

– Ваша догадка совершенно неверна, уверяю вас. Мой ум был занят приятными мыслями. Я размышлял, каким восторгом может одарить пара прекрасных глаз на обворожительном женском личике.

Мисс Бингли немедленно устремила свои глаза на его лицо и пожелала узнать, какая девица или дама имела честь навести его на подобные мысли.

Мистер Дарси ответил с величайшим бесстрашием:

– Мисс Элизабет Беннет.

– Мисс Элизабет Беннет! – повторила мисс Бингли. – Я в изумлении. Давно ли она в таком фаворе у вас? И когда, скажите, мне вас поздравить?

– Этого вопроса я от вас и ожидал. Женское воображение столь торопливо! Оно в единый миг перепархивает от похвалы к любви, от любви к браку. Я знал, что вы поспешите меня поздравить.

– Право, если вы столь серьезны, я сочту, что дело решено. Вы обзаведетесь поистине очаровательнейшей тещей, и она, разумеется, будет безвыездно гостить в Пемберли.

Он с полнейшим равнодушием слушал, как она забавлялась подобными предположениями. Его невозмутимость убедила ее, что опасаться нечего, и она дала волю своему остроумию.

Глава 7

Состояние мистера Беннета ограничивалось почти исключительно поместьем, приносящим две тысячи в год, и, к несчастью для его дочерей, оно было майоратом, так что из-за отсутствия прямого наследника мужского пола ему предстояло отойти к дальнему родственнику их отца. Состояние же их матери, хотя и вполне приличное для того общественного слоя, к которому она принадлежала, никак не могло возместить утрату поместья. Ее отец был стряпчим в Меритоне и оставил ей четыре тысячи фунтов.

У нее была сестра, которая вышла за некоего мистера Филиппа, клерка их отца, ставшего его преемником, и брат, почтенный лондонский торговец.

Деревня Лонгборн находилась всего в миле от Меритона. Весьма удобное расстояние для барышень, которые обычно три-четыре раза в неделю отправлялись туда посетить тетюшку, а также модистку по другую сторону улицы. Две младшие, Кэтрин и Лидия, особенно часто оказывали тетюшке этот знак внимания. Они были гораздо ветренее старших сестер и когда не находили лучшего развлечения, то коротали утренние часы прогулкой в Меритон, набираясь пищи для вечерней болтовни; как ни скудны новостями были городок и его окрестности, барышни всегда хоть что-нибудь да узнавали от тетюшки. Теперь же у них не было недостатка ни в новостях, ни в радостных предвкушениях – недавно под Меритон прибыл полк милиции¹², чтобы оставаться там до конца зимы, а офицеры поселились в городе.

Теперь посещения миссис Филипп вознаграждались изобилием всяческих любопытнейших сведений. Каждый день они узнавали про офицеров все больше – их фамилии, их родственные связи. Квартиры их также недолго оставались тайной, а затем они начали знакомиться и с ними самими. Мистер Филипп объехал с визитами их всех, тем самым открыв для племянниц источник радостей, прежде им неведомых. Теперь ни о чем, кроме офицеров, они не говорили, и огромное состояние мистера Бингли, упоминание о котором так воодушевляло их маменьку, не стоило для них ничего в сравнении с парадным мундиром прапорщика.

Однажды утром, наслушавшись их восторгов, мистер Беннет холодно заметил:

– Судя по тому, что вы говорите, пожалуй, во всей стране не найдется двух других таких дурочек. Я всегда это подозревал, но теперь окончательно убедился.

Кэтрин смутилась и ничего не ответила, но Лидия как ни в чем не бывало продолжала превозносить капитана Картера и выражать надежду, что увидит его сегодня, так как завтра утром он уедет в Лондон.

– Я удивлена, мой друг, – сказала миссис Беннет, – что вы с такой легкостью готовы считать своих дочерей глупыми. Если бы мне захотелось выбрать чьего-то ребенка, своего я для этого не выбрала бы.

– Если мои дети глупы, надеюсь, я никогда не стану закрывать на это глаза.

– Разумеется, да только все они у нас умницы.

– Лышу себя мыслью, что это единственный случай, когда наши мнения расходятся. Я всегда надеялся, что мы единодушны во всем, но в этом вопросе позволю себе не согласиться с вами и считать двух наших младших дочерей на редкость глупыми.

– Любезнейший мистер Беннет, не следует ждать от девочек разумности их отца и матери. Когда они достигнут наших лет, уверена, они будут думать об офицерах не больше, чем мы. Помню время, когда и мне красные мундиры очень нравились, да и теперь они сохраняют местечко в моем сердце; и, если бы ловкий молодой полковник с пятью-шестью тысячами годо-

¹² ...прибыл полк милиции. – Милиция (ополчение) формировалась в Британии во время внешней угрозы, когда регулярная армия воевала за границей. Хотя из текста романа этого не видно, действие происходит во время Наполеоновских войн, и Англия боится французского вторжения. Брат Джейн Остен служил в милиции с 1793 по 1801 г.

вого дохода попросил руки одной из моих дочек, я бы не сказала ему «нет». В тот вечер у сэра Уильяма я как раз подумала, что полковник Форстер в парадном мундире выглядит очень авантажно.

– Маменька! – воскликнула Лидия. – Тетенька говорит, что полковник Форстер и капитан Картер бывают у мисс Уотсон не так часто, как прежде, когда только приехали. Теперь она чаще видит их в библиотеке Кларка¹³.

Ответить миссис Беннет не успела, потому что вошел лакей с запиской для мисс Беннет. Ее прислали из Недерфилда, и слуге было велено подождать ответа. Миссис Беннет просияла от радости и засыпала дочь вопросами, пока та еще читала записку.

– Джейн, от кого она? О чем? Что он пишет? Ах, Джейн, поторопись и расскажи нам. Не медли так, душенька.

– От мисс Бингли, – ответила Джейн и прочла записку вслух.

«Милый друг!

Если в вас не найдется капли сострадания и вы не отобедаете сегодня с Луизой и со мной, нам будет грозить опасность возненавидеть друг дружку до конца наших дней, ведь целый день тет-а-тет двух женщин не может завершиться без ссоры. Приезжайте как можно быстрее по получении этой записки. Мой брат и его друзья приглашены на обед к офицерам.

Навеки ваша Каролина Бингли»

– К офицерам! – вскричала Лидия. – Не понимаю, как тетушка нам ничего про это не сказала!

– Приглашены на обед! – повторила миссис Беннет. – Какая жалость!

– Могу я взять карету? – спросила Джейн.

– Нет, душенька. Лучше поезжай верхом, потому что собирается дождь, и тогда тебя пригласят переночевать.

– План был бы неплох, – заметила Элизабет, – будь вы уверены, что они не предложат ей свой экипаж.

– О! Но джентльмены поедут в Меритон в коляске мистера Бингли, а у Херстов своих упряжных лошадей нет.

– Но я предпочла бы поехать в карете.

– Ах, душенька, твой отец не может дать для нее лошадей. Они все нужны на ферме, мистер Беннет, не правда ли?

– На ферме они нужны гораздо чаще, чем мне удастся их получить.

– Но если вы их получите сегодня, – сказала Элизабет, – маменькина цель будет достигнута.

Ей удалось-таки добиться от отца подтверждения, что лошади заняты на ферме, а потому Джейн пришлось отправиться в Недерфилд верхом, и маменька проводила ее до дверей со многими радостными предсказаниями дурной погоды. Ее надежды сбылись; не успела Джейн уехать, как зарядил дождь. Сестры беспокоились за нее, но маменька ликовала. Дождь лил весь вечер не переставая. Джейн точно не могла вернуться домой.

– Поистине, это была счастливая мысль! – повторяла миссис Беннет так, будто дождь был делом ее рук.

¹³ ...чаще видит их в библиотеке Кларка. – Платные библиотеки были популярны в Англии с середины XVIII до середины XIX в. Книги стоили очень дорого; возможность брать их по относительно недорогому месячному абонементу сделала чтение доступным для среднего класса и особенно для женщин, что способствовало развитию английского романа, так как основной спрос был на легкое чтение. В библиотеку могли заходить не только за книгами, но и как в своего рода клуб.

Впрочем, до следующего утра она и не подозревала, насколько удачной оказалась ее уловка. Едва они кончили завтракать, как слуга из Недерфилда привез Элизабет следующую записку:

«Лиззи, миленькая!

Нынче утром я почувствовала себя плохо, наверное, потому, что вчера промокла насквозь. Мои добрые хозяйки и слушать не хотят о том, чтобы я уехала домой, пока не оправлюсь. Кроме того, они настояли, чтобы меня осмотрел мистер Джонс, а потому не тревожьтесь, если услышите, что он посетил меня. Да и я почти здорова, только горло и голова побаливают.

Твоя... и т. д.»

– Что же, душа моя, – сказал мистер Беннет, когда Элизабет прочла записку вслух, – если ваша дочь опасно заболит, если она умрет, утешением будет знать, что произошло это в погоне за мистером Бингли и по вашим указаниям.

– О, я ничуть не боюсь, что она умрет. От пустячной простуды еще никто не умирал. За ней будут хорошо ухаживать. И пока она там, ничего лучше и желать нельзя. Я бы поехала повидать ее, если бы могла взять карету.

Элизабет, искренне встревоженная, решила отправиться в Недерфилд, хотя свободных лошадей не оказалось. Верхом она ездила плохо, а потому ей оставалось только идти пешком. Она объявила о своем намерении.

– Что за глупость! – вскричала ее мать. – Пешком по такой грязи! Когда ты туда доберешься, тебе нельзя будет показаться на людях!

– Но я смогу показаться Джейн, а больше мне ничего не нужно.

– Это намек мне, Лиззи, чтобы я послал за лошадьми? – спросил ее отец.

– Нет-нет. Я вовсе не боюсь пройти пешком. Расстояние – пустяк, если есть важная причина. Всего три мили! Я вернусь к обеду.

– Меня восхищает твоя деятельная благожелательность, – сказала Мэри. – Но каждый порыв чувств должен подчиняться разуму, и, по моему мнению, усилия всегда должны быть соразмерны тому, для чего они требуются.

– Мы пойдем с тобой до Меритона, – объявили Кэтрин и Лидия.

Элизабет согласилась, и три барышни отправились в путь.

– Если мы поторопимся, – заметила Лидия, когда они вышли на дорогу, – то, быть может, увидим капитана Картера до его отъезда.

В Меритоне они расстались. Младшие направились к дому, где проживала одна из офицерских жен, а Элизабет быстро зашагала дальше, минуя луг за лугом, одолевая перелазы, с нетерпеливой живостью перепрыгивая лужи, и в конце концов увидела недерфилдский дом. Ноги у нее ныли, чулки запахались, лицо разругалось – так разгорячила ее пешая прогулка.

Ее проводили в малую столовую, где завтракали все¹⁴, кроме Джейн, и где ее появление вызвало большое изумление. Пройти три мили столь рано в такое ненастье и совсем одной? Миссис Херст и мисс Бингли едва могли в такое поверить, и Элизабет не сомневалась, что ее за это презирают. Впрочем, приняли они ее очень любезно, а в манерах их брата чувствовалось нечто большее, чем простая вежливость; он был искренне приветлив и добр. Мистер Дарси сказал очень мало, а мистер Херст и совсем ничего. Первый и восхищался свежим румянцем, игравшим на щеках Элизабет после долгой ходьбы, и сомневался, что ей стоило идти так далеко одной. Второй думал только о своем завтраке.

¹⁴ ...проводили в малую столовую, где завтракали все... – Записку от Джейн доставили после завтрака, затем некоторое время семья ее обсуждала, после чего Элизабет прошла три мили (без малого 5 километров) через поля и, придя в Недерфилд, застала всех за завтраком – один из мелких штрихов, показывающих разницу между сельским семейством и лондонским светом, где завтракают (и обедают) значительно позже.

Элизабет осведомилась, как чувствует себя ее сестра, и получила не очень утешительный ответ. Мисс Беннет плохо спала и, хотя оделась, не смогла спуститься к завтраку, так как у нее небольшой жар. К радости Элизабет, ее без промедлений проводили к сестре, и Джейн, которой лишь опасения внушить тревогу или причинить хлопоты помешали выразить в записке, как ей бы хотелось увидеть сестру, чрезвычайно ей обрадовалась. Однако говорить ей было трудно, и, когда мисс Бингли оставила их вдвоем, она ограничилась лишь словами благодарности за доброту и заботу, какими ее окружили. Элизабет ухаживала за ней, храня молчание.

Завтрак кончился, сестры поднялись к ним, и Элизабет почувствовала, что они начинают нравиться и ей, так ласковы и внимательны они были к Джейн. Приехал аптекарь и, осмотрев больную, объявил, как и можно было ожидать, что она очень сильно простудилась и следует принять надлежащие меры. Он рекомендовал ей лечь в постель и обещал прислать микстуры. Джейн охотно последовала его совету, потому что жар усилился и голова у нее разболелась еще сильнее. Элизабет ни на минуту не покидала ее комнаты, да и мисс Бингли с миссис Херст выходили лишь ненадолго. Собственно, джентльмены уехали, и дамам больше нечем было себя занять.

Когда часы пробили три, Элизабет почувствовала, что ей пора возвращаться, и с большой неохотой сказала об этом. Мисс Бингли предложила ей карету, и Элизабет уже почти сдалась на уговоры. Однако Джейн предстоящая разлука с сестрой так огорчила, что мисс Бингли поневоле взяла свое предложение назад и пригласила ее пока остаться в Недерфилде. Элизабет с большой благодарностью согласилась, и в Лонгборн отрядили слугу – сообщить родителям, что она задержится, и привезти ей необходимую одежду.

Глава 8

В пять часов мисс Бингли и миссис Херст ушли переодеться, а в половине седьмого Элизабет позвали обедать. На вежливые расспросы, которыми ее засыпали и среди которых она с радостью отметила искреннюю озабоченность мистера Бингли, ничего особенно утешительного она ответить не могла. Джейн несколько не стало лучше. Услышав это, сестрицы мистера Бингли три или четыре раза повторили, как они огорчены, как ужасно столь сильно простудиться и как сами они не любят хворать, после чего о больной больше не вспоминали. То, как быстро они забыли о Джейн, позволило Элизабет вновь наслаждаться своей прежней антипатией.

Среди общества за столом только их брат вызывал в ней хоть какую-то приязнь. Он, несомненно, очень тревожился за Джейн, а его внимание к самой Элизабет позволяло ей не так сильно чувствовать себя непрошеной гостьей. Остальные ее почти не замечали. Мисс Бингли была всецело занята мистером Дарси, как, впрочем, и ее сестра, а что до мистера Херста, чьей соседкой оказалась Элизабет, он жил лишь для того, чтобы есть, пить и играть в карты, а когда обнаружил, что Элизабет простой ростбиф предпочла фрикасе, ему с ней разговаривать стало не о чем.

После обеда она тотчас поднялась к Джейн, и мисс Бингли без промедления принялась ее критиковать. Ее манеры были объявлены никуда не годными, смесью высокомерия и наглости; ни умения поддерживать беседу, ни элегантности, ни вкуса, ни красоты. Миссис Херст во всем поддержала сестру и добавила:

– Короче говоря, в ней нет никаких достоинств, кроме того, что пешком она ходит бесподобно. Никогда не забуду, как она появилась тут нынче утром. Выглядела она почти неприлично.

– О да, Луиза! Я еле удержалась от смеха. И какой вздор вообще являться сюда! С какой стати должна она бегать по лугам, если ее сестра простудилась? И ее волосы, такие растрепанные, такие неаккуратные!

– Да, а ее нижняя юбка?¹⁵ Ты ведь видела, ее нижняя юбка была вся в грязи на целых шесть дюймов, не иначе. А верхнее платье выпущено, чтобы прикрывать ее, но без пользы.

– Этот портрет, Луиза, быть может, очень верен, – сказал мистер Бингли, – но ничего подобного я не увидел. Когда мисс Элизабет Беннет утром вошла сюда, мне она показалась очаровательной. А забрызганная юбка ускользнула от моего внимания.

– Но, разумеется, не от вашего, мистер Дарси, – сказала мисс Бингли. – И, полагаю, вы не хотели бы, чтобы ваша сестрица предстала в таком виде?

– Бесспорно.

– Пройти три мили, или четыре, или пять, или сколько их там по щиколотку в грязи, и одной, совсем одной! Да как она решилась? Право, это свидетельствует о худшего рода своевольной независимости, о провинциальном пренебрежении приличиями.

– Это свидетельствует о ее любви к сестре и заслуживает всяческих похвал, – сказал Бингли.

– Боюсь, мистер Дарси, – заметила мисс Бингли, понизив голос, – эта эскапада несколько угасила ваше восхищение ее прекрасными глазами.

¹⁵ ...а ее нижняя юбка? – В описываемое время женщины носили под платьем хлопчатобумажные нижние юбки (поверх нижней рубашки) для тепла, из соображений приличия (особенно под муслиновыми платьями) и гигиены (их стирали чаще, чем платья). Нижняя юбка обычно бывала отделана по подолу, и еще в конце XVIII в. мода требовала, чтобы ее подол выглядывал из-под платья; в эпоху Регентства это уже выглядело бы старомодным, однако нижняя юбка по-прежнему не считалась бельем, которое неприлично показывать. Таким образом Элизабет, идя по грязи, приподнимала подол платья, чтобы его не испачкать.

– Ничуть, – ответил он. – Прогулка придала им новый блеск.

Последовала короткая пауза, а затем миссис Херст снова начала:

– Мне очень нравится Джейн Беннет, она премилая девушка, и я от всего сердца желаю ей хорошей партии. Но, боюсь, такой отец с такой матерью и такое вульгарное родство не оставляют на это никакой надежды.

– Мне кажется, я слышал, как вы говорили, что ее дядя – стряпчий в Меритоне?

– Да, а другой их дядюшка живет где-то около Чипсайда¹⁶.

– Бесподобно! – добавила ее сестрица, и обе засмеялись.

– Да будь у них столько дядюшек, что хватило бы заселить весь Чипсайд, – вскричал Бингли, – это ни на йоту не сделало бы их менее обворожительными.

– Однако это должно очень заметно снизить их шансы на женихов, занимающих хоть какое-нибудь положение в свете, – ответил Дарси.

Бингли промолчал, но его сестрицы от души согласились и еще некоторое время отпустили насмешки по адресу вульгарных родственников своей дражайшей подруги.

Впрочем, покинув столовую, они в новом припадке нежности поднялись в ее комнату и сидели с ней, пока им не доложили, что кофе подан. Джейн все еще очень нездоровилось, и Элизабет ни на минуту ее не покидала. Лишь поздно вечером, когда вид уснувшей сестры ее несколько успокоил, она сочла скорее правильным, чем приятным, сойти вниз. В гостиной она застала все общество за игрой в лантерлю¹⁷ и тут же была приглашена присоединиться. Но, подозревая, что играют они по-крупному, Элизабет отказалась и, сославшись на сестру, объяснила, что недолгое время, которое может провести внизу, она скоротает за книгой. Мистер Херст взглянул на нее с изумлением.

– Вы предпочитаете картам чтение? – сказал он. – Как странно!

– Мисс Элиза Беннет, – заметила мисс Бингли, – презирует карты. Она великая любительница чтения и ни в чем другом удовольствия не находит.

– Я не заслужила ни такой похвалы, ни такого порицания! – воскликнула Элизабет. – Я не такая уж великая любительница чтения и нахожу удовольствие во многом другом.

– Уверен, вы находите радость в том, что ухаживаете за сестрой, – сказал Бингли, – и надеюсь, эта радость скоро усилится ее выздоровлением.

Элизабет поблагодарила его от всей души, а затем отошла к столику, на котором лежало несколько книг. Бингли тотчас предложил принести ей еще и другие: вся его библиотека в ее распоряжении.

– И я бы желал, чтобы она была гораздо полнее. Ради вас и к моей собственной чести; но я по натуре бездельник, и хотя книг у меня не так уж много, их все же больше, чем я брал когда-нибудь в руки.

Элизабет заверила его, что ей довольно и этих.

– Я удивлена, – сказала мисс Бингли, – что мой отец собрал так мало книг. Какая чудесная библиотека у вас в Пемберли, мистер Дарси!

– Да, ей трудно не быть хорошей, – ответил он, – ведь ее собирало много поколений.

– И вы сами так ее пополнили! Вы же всегда покупаете книги.

– Не понимаю, как можно пренебрегать фамильной библиотекой в наши дни.

– Пренебрегать! Не могу вообразить, чтобы вы пренебрегли хоть чем-то, что может еще более украсить ваше великолепное имение. Чарльз, когда ты будешь строить свой дом, как бы я желала, чтобы он хоть в половину был так восхитителен, как Пемберли.

– Я бы тоже этого желал.

¹⁶ ...а другой их дядюшка живет где-то около Чипсайда. – Чипсайд располагался в коммерческой части Лондона, то есть фраза подразумевает, что дядюшка занимается торговлей.

¹⁷ Лантерлю (лу, мушка и др.) – простая салонная карточная игра со взятками.

– Однако я тебе настоятельно советую приобрести поместье в тех краях и взять Пемберли за образец. В Англии нет графства лучше Дербишира.

– С превеликой радостью. Я бы просто купил Пемберли, согласись Дарси его продать!

– Я говорю о том, что достижимо, Чарльз.

– Честно говоря, Каролина, я думаю, что купить Пемберли более достижимо, чем создать его подобие.

Этот разговор так заинтересовал Элизабет, что она не могла сосредоточиться на чтении и вскоре, отложив книгу, направилась к карточному столу, где расположилась между мистером Бингли и миссис Херст, следя за игрой.

– Намного ли мисс Дарси подросла с весны? – спросила мисс Бингли. – Она обещает быть высокой, как я?

– Думаю, да. Пока она одного роста с мисс Элизабет Беннет или чуть выше.

– Как я жажду вновь ее увидеть! Я не встречала никого, кто восхищал бы меня больше. Как она пленительна! Какие манеры! И как для своего возраста она блещет во всех занятиях, украшающих девицу. На фортепьяно она играет просто бесподобно.

– Меня изумляет, – сказал Бингли, – как у благовоспитанных барышень достаёт терпения так блистать в своих занятиях, как все они блистают!

– Все барышни блистают? Милый Чарльз, о чем ты?

– Да, по-моему, все без исключения. Все они рисуют, вышивают ширмы, плетут кошечки. Не знаю ни единой, которая бы всего этого не умела; и, право, не упомяну случая, когда, упомянув про барышню в первый раз, тут же не добавили бы, что она блещет во всех подобающих занятиях.

– Твой список их обычных занятий, – сказал Дарси, – близок к истине. Слово «блистают» употребляется по отношению ко многим женщинам, способным лишь сплести кошелечек или вышить экран. Однако я никак не могу согласиться с тобой в твоей общей оценке. Среди всех моих знакомых дам и девиц я не насчитаю и полудюжины истинно блестящих чем-либо.

– И я тоже, – заметила мисс Бингли.

– В таком случае, – сказала Элизабет, – вы должны быть очень взыскательны в своем представлении о женских дарованиях.

– Да, я взыскателен.

– О, разумеется, – вскричала его верная помощница, – никто не может считаться истинно одаренным, если не превосходит намного то, что мы обычно видим вокруг. Женщина, чтобы удостоиться такой похвалы, должна в совершенстве играть на музыкальных инструментах, петь, рисовать, танцевать и знать современные языки. Сверх этого она должна иметь нечто особенное в своей осанке, походке, тоне голоса, манерах и речи, иначе такой комплимент будет вполнину незаслуженным.

– Да, она должна обладать всем этим, – согласился Дарси, – но вдобавок ей следует пополнять свое образование, много читая.

– Меня более не удивляет, что вы знакомы всего лишь с шестью женщинами, истинно блестящими своими дарованиями. Не понимаю только, где вы видели хотя бы одну такую.

– Вы настолько строги к собственному полу, что считаете это невозможным?

– Я никогда подобной женщины не видела. Я не видела, чтобы дарования, и вкус, и элегантность, какие вы описали, соединялись бы в одной женщине.

Миссис Херст и мисс Бингли в один голос восстали против несправедливости ее сомнений и принялись утверждать, что знают множество женщин, отвечающих этому описанию. Но тут мистер Херст призвал всех к порядку, горько посетовав на их невнимание к игре. Любые разговоры прекратились, и Элизабет вскоре покинула гостиную.

– Элиза Беннет, – сказала мисс Бингли, едва дверь за ней закрылась, – принадлежит к тем девицам, которые тщатся зарекомендовать себя другому полу, критикуя собственный. Многих мужчин, полагаю, это обольщает, но, на мой взгляд, это жалкая уловка, даже низость.

– Без сомнения, – ответил Дарси, кому главным образом были адресованы ее слова, – низки любые ухищрения, к которым прибегают дамы, желая пленять. Все, что родственно хитрости, заслуживает презрения.

Ответ пришелся мисс Бингли не совсем по вкусу, и она оставила эту тему.

Элизабет вновь присоединилась к ним, но лишь сказать, что Джейн стало хуже и она не может ее оставить. Бингли хотел немедленно отправить слугу за мистером Джонсом, а его сестрицы, убежденные, что в провинции лечить не умеют, советовали послать в Лондон нарочного за кем-нибудь из самых именитых врачей. Об этом Элизабет и слушать не пожелала, но не стала отказываться от предложения их брата. В конце концов решили, что за мистером Джонсом пошлют рано утром, если мисс Беннет не полегчает. Мистер Бингли был в полном расстройстве, его сестрицы объявили, что совершенно удручены. Впрочем, они развеяли свою печаль, распевая после ужина дуэты, а он нашел лишь слабое утешение в том, что велел экономке окружить больную и ее сестру всяческими заботами.

Глава 9

Большую часть ночи Элизабет провела с сестрой и утром, к своей радости, могла дать обнадеживающий ответ на вопрос мистера Бингли, который очень рано передала ей горничная, а позднее и двум элегантным дамам – камеристкам его сестер. Тем не менее она попросила отправить в Лонгборн слугу с запиской к их матери, чтобы та приехала к Джейн и составила собственное мнение о ее недуге. Записку тотчас отослали, и миссис Беннет в сопровождении двух младших дочерей прикатила в Недерфилд, когда там только-только кончили завтракать.

Найди она Джейн тяжело больной, миссис Беннет очень бы огорчилась; однако, убедившись, что недуг ее дочери не опасен, она не пожелала ей скорейшего выздоровления, так как, поправившись, Джейн должна была бы покинуть Недерфилд. Поэтому миссис Беннет и слушать не захотела, когда Джейн попросила увезти ее домой; и аптекарь, приехавший почти в одно время с миссис Беннет, также не почел это разумным. Маменька немного посидела с Джейн, а затем по приглашению мисс Бингли вместе с тремя дочерьми спустилась в малую столовую. Мистер Бингли встретил ее выражением надежд, что миссис Беннет нашла Джейн лучше, чем опасалась.

– Напротив, сударь, – последовал ответ. – Ей так плохо, что ее нельзя увезти домой. Мистер Джонс говорит, чтобы мы и не думали ее забрать. Так что мы вынуждены еще немного злоупотребить вашей добротой.

– Забрать! – воскликнул Бингли. – Да ни в коем случае! Я знаю, моя сестра и слушать об этом не станет.

– Вы можете быть уверены, сударыня, – с холодной вежливостью сказала мисс Бингли, – что за мисс Беннет, пока она у нас, будут ухаживать со всем тщанием.

Миссис Беннет рассыпалась в благодарностях.

– Право, не знаю, – добавила она, – что с ней случилось бы без таких добрых друзей, она ведь совсем занемогла и очень страдает, хотя, как всегда, с величайшей терпеливостью, потому что более кроткого характера и вообразить невозможно. Я часто повторяю остальным моим девочкам, что им с ней не сравниться. Какая миленькая комната, мистер Бингли, и такой бесподобный вид на подъездную аллею. Не знаю в наших краях ни одного места лучше Недерфилда. Надеюсь, вы не поторопитесь с ним расстаться, хотя и взяли аренду на такой короткий срок.

– Я все делаю второпях, – ответил он, – и потому, если решу покинуть Недерфилд, то, наверное, соберусь за пять минут. Однако пока я полагаю, что устроился тут надолго.

– Именно этого я от вас и ожидала, – заметила Элизабет.

– Вы начинаете меня понимать! – воскликнул он, оборачиваясь к ней.

– О да, я вас понимаю в совершенстве.

– Хотел бы я истолковать это как комплимент, но, боюсь, довольно грустно, когда тебя видят насквозь.

– Как сказать. Ведь отсюда не следует, что сложный, глубокий характер достоин большего или меньшего уважения, чем ваш.

– Лиззи, – вскричала ее маменька. – Помни, где ты, и не говори вздора, пусть дома мы его и терпим.

– Я прежде не знал, – тотчас сказал Бингли, – что вы изучаете характеры. Вероятно, это очень забавное занятие.

– Да, но сложные характеры особенно забавны. У них есть хотя бы это преимущество.

– В сельских краях, – сказал Дарси, – вряд ли можно найти много материала для такого изучения. В сельской округе вы вращаетесь в очень ограниченном и не меняющемся обществе.

– Однако сами люди так меняются, что в них всегда замечаешь что-нибудь новое.

– Вот уж правда! – вскричала миссис Беннет, обиженная тоном, каким он произнес «сельская округа». – Можете мне поверить, в деревне этого самого не меньше, чем в столице.

Все были изумлены, а Дарси, смерив ее взглядом, молча отвернулся. Миссис Беннет, воображая, будто одержала над ним полную победу, продолжала с торжеством:

– Вот уж не вижу, чем Лондон так лучше деревни, доложу я вам, ну, помимо магазинов и всяких увеселений. Деревня куда как приятнее, ведь верно, мистер Бингли?

– Когда я в деревне, – ответил он, – мне хочется остаться тут навсегда; но то же самое и в Лондоне. И там, и там есть свои преимущества, и я равно счастлив и в деревне, и в городе.

– Ну да, это так, потому что вы не критикан. А вот этот джентльмен, – тут она посмотрела на Дарси, – деревню словно бы ни во что не ставит.

– Право, маменька, вы ошибаетесь, – сказала Элизабет, краснея за мать. – Вы неверно поняли мистера Дарси. Он лишь имел в виду, что в деревне не встретишь столько совсем разных людей, как в городе, а это, вы должны признать, совершенно справедливо.

– Кто же, душечка, с этим спорит. А вот о том, что в наших краях много людей не встретишь, так наша округа почище других будет. Мы ведь обедаем в двадцати четырех домах.

Только сочувствие к Элизабет помогло Бингли сохранить серьезность, но его сестра была не столь деликатна и взглянула на мистера Дарси с весьма выразительной улыбкой. Элизабет, желая отвлечь мать, поторопилась спросить, заглядывала ли в Лонгборн Шарлотта Лукас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.